

УДК 94(470):342.5

СТАНОВЛЕНИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

И. А. Немцев

Рассматриваются вопросы, связанные с особенностями и характером взаимоотношений российских консерваторов с государственной властью в период становления дореволюционного российского консерватизма. Показывается обусловленность наиболее значимых признаков дореволюционного российского консерватизма, определивших его духовный облик и качественное отличие от западного консерватизма, влиянием самодержавного государства и его политики на процесс становления консерватизма в дореволюционной России.

Ключевые слова: консерватизм, самодержавие, государство, традиция, авторитет, власть, идеология, европеизация, реакция, легитимность, мировоззрение, старина.

В конце XX – начале XXI в. в России возрос интерес к истории формирования, развития и крушения дореволюционного российского консерватизма. В немалой степени это связано с тем, что в стране начали создаваться политические партии и общественные движения, генетически возводящие себя к дореволюционным консервативным партиям и движениям. Не остались в стороне и политические силы, создаваемые представителями государственной власти с целью осуществления политического влияния в обществе.

Хотя еще в начале 90-х гг. XX в. власть дистанцировалась от всего, что было связано с понятием консерватизм, уже во второй половине 1990-х гг. это понятие снова вошло в моду. О консерватизме говорили представители партии «Наш дом – Россия», хотя официально лишь в 1999 г., после вытеснения их основных представителей с властного олимпа и накануне политического краха, эта партия заявила о своем консерватизме. В 2009 г. партия «Единая Россия» позиционировала себя в качестве консервативной партии.

В постсоветское время в нашей стране вышел ряд работ, посвященных дореволюционному российскому консерватизму. Среди них можно выделить работы, в которых российский консерватизм как явление рассматривается в развитии на протяжении всей или основной части истории его существования. В частности, можно отметить работу А. С. Карцова «Правовая идеология русского консерватизма», вышедшую в 1999 г., в которой дореволюционный отечественный консерватизм рассматривается через призму отношения его представителей к праву как социальному явлению и осмысления ими проблемы правового закрепления отстаиваемых консерваторами моделей государственного порядка. В 1999 г. вышла также монография А. В. Репникова «Консервативная концепция российской государственности», в которой речь идет об отношении российских консерваторов к проблеме государственного устройства, но не уделено достаточного внимания проблеме влияния характера российской государственности на ход процесса становления консерватизма в дореволюционной России. В труде «Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика», вышедшем в 2000 г. под редакцией В. Я. Гросула, рассматриваются различные аспекты идеологии российских консерваторов позапрошлого столетия. Так, В. Я. Гросул, сочтя необходимым сделать упор не только на дворянском, но и на крепостническом характере идеологических систем первых российских консерваторов, оставил за рамками рассмотрения вопрос о связи между деятельностью государственной власти и ее представителей и формированием консерватизма в дореволюционной России.

Особо следует упомянуть работу В. А. Гусева «Русский консерватизм: основные направления и этапы развития», изданную в 2001 г., поскольку в ней обзревается путь развития российского консерватизма на протяжении XIX и XX столетий с учетом мирового опыта, прежде всего западных стран, дается представление и о консерватизме как течении общественно-политической мысли в целом, и об особенностях и отдельных направлениях отечественного и западного консерватизма, анализируются причины различий, существовавших и существующих между консерватизмом в России и в странах Запада. В. А. Гусев уделяет внимание отношению дореволюционных российских консерваторов к самодержавной государственности и справедливо проводит различия

между различными направлениями консерватизма в дореволюционной России, исходя из характера осмысления ими проблем, связанных со становлением и функционированием самодержавного государства. Отношение различных направлений дореволюционного российского консерватизма к политике самодержавия анализируется в гораздо меньшей степени, в основном через призму понимания ими сути самодержавия как формы государственной власти.

В 2002 г. вышла работа Г. И. Мусихина «Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма)», в которой автор отметил то обстоятельство, что различия между германским и российским консерватизмом, помимо иных обстоятельств, связаны также с характером государственной власти в России, отношением российских консерваторов как к самой этой власти, так и к проводимой ею политике. При этом Г. И. Мусихин не стал проводить обстоятельного исследования связи между взаимоотношениями российских консерваторов и государственной власти и обусловленным характером этих отношений отличительными чертами дореволюционного российского консерватизма, благодаря которым развитие дореволюционного российского консерватизма шло иначе, чем в странах Запада, в том числе и в Германии, поскольку это не входило в задачи его работы.

В труде «Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт», вышедшем под редакцией В. Дубиной, М. Леонова, Л. Банцхафа в 2002 г. в Самаре, речь идет о развитии консерватизма в России и странах Западной Европы, об общих чертах и различии российской и западноевропейской традиций, обусловивших характер и пути развития консерватизма в России и западноевропейских странах. Различия российской и западноевропейской традиций были обусловлены тем, что Россия и страны Западной Европы шли различными историческими путями, вследствие чего государственная власть в России приобрела черты, существенно отличающие ее от государственной власти западноевропейских стран. Это обусловило и ряд важных отличий дореволюционного российского консерватизма от консерватизма стран Западной Европы. Но в указанном труде не было уделено надлежащего внимания некоторым важным особенностям становления дореволюционного российского консерватизма, обусловленным именно характером влияния на этот процесс государственной власти и ее политики самодержавной европеизации России. В написании данного коллективного труда принял участие специалист по проблематике консерватизма из Воронежа А. Ю. Минаков, обстоятельно исследовавший мировоззрение одного из первых российских консерваторов А. С. Шишкова и влияние, которое им было оказано на процесс формирования дореволюционного российского консерватизма.

В 2005 г. под редакцией А. Ю. Минакова в Воронеже вышел труд «Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия», в котором дается характеристика личности и мировоззрения общественных деятелей, принадлежавших к консервативному лагерю и оказавших влияние на процесс формирования дореволюционного российского консерватизма в первой трети XIX в., в частности их отношения к самодержавной власти и ее политике. В силу специфики данного труда в нем исследуется прежде всего влияние личностного фактора на процесс формирования дореволюционного российского консерватизма и в меньшей степени – ход этого процесса, его особенности и причины, обусловившие данные особенности.

Но при этом следует отметить, что среди упомянутых трудов отсутствуют работы, в которых бы рассматривались вопросы, связанные со становлением дореволюционного российского консерватизма и его особенностями. В частности, за рамками рассмотрения остаются вопросы, связанные с тем, насколько особенности и характер взаимоотношений российских консерваторов дореволюционной эпохи с государственной властью, в том числе в период становления дореволюционного российского консерватизма, обусловили специфику дореволюционного российского консерватизма. Между тем рассмотрение проблемы влияния взаимоотношений дореволюционных российских консерваторов с государственной властью, в том числе в период становления дореволюционного российского консерватизма, на характер дореволюционного российского консерватизма, на появление у него таких специфических особенностей, которые обусловили его достаточно существенные отличия от западного консерватизма, имеет очень большое значение. Это связано как с тем, что со времен образования Русского централизованного государства в конце XV в. государственная власть в России всегда была сильнее, чем на Западе, и поэтому ее роль в истории России была гораздо более значимой, чем роль государственной власти стран Запада в истории этих стран, так и с тем, что формирование российского консерватизма явилось реакцией на политику государственной

власти.

Процесс формирования консерватизма занял в России больше времени, чем в странах Запада. Начавшись раньше, в нашей стране этот процесс завершился позже, чем на Западе. И в России, и на Западе причиной возникновения консерватизма послужили изменения, сопровождавшиеся коренной ломкой традиционного уклада жизни. Но если в странах Запада консерватизм возник как реакция на революционное движение, на французскую революцию, то российский консерватизм явился реакцией на политику самодержавной европеизации, которая была начата Петром I и проводилась в течение XVIII в., а также в начале XIX в.

Духовное самоопределение российского консерватизма в значительной степени было обусловлено характером преобразований Петра I, воспринимавшихся носителями традиционного уклада жизни и в верхах, и в низах как попрание вековых устоев России. Процесс духовного самоопределения консерватизма неразрывно связан с появлением консервативной мысли как самостоятельного течения общественной мысли, в определенном смысле вырастающего из традиционализма и являющегося, в сущности, сознательным традиционализмом. Следует отметить, что «консервативная мысль появилась как независимое течение, когда ее вынудили к сознательной оппозиции... способу мышления, основанному на идее естественного права» [Манхейм, 1994, с. 614], что произошло в России только в царствование Екатерины II, когда традиционалистские настроения, существовавшие в российском обществе и опиравшиеся на определенные психологические стереотипы массового сознания, получили идеологическое оформление, явившись реакцией на мышление, базирующееся на идее естественного права. В России образ мышления, основанный на идее естественного права, вышел на сцену в связи с деятельностью Екатерины II, т.е. был обусловлен политикой самодержавной европеизации России, тогда как на Западе он был связан прежде всего с ростом общественной, а затем и политической активности новых социальных слоев. На Западе между духовным самоопределением и идеологическим оформлением консерватизма прошло значительно меньше времени. Духовное самоопределение западного консерватизма относится к началу второй половины XVIII в., ко времени расцвета так называемой просветительской идеологии, идеологическое же его оформление явилось реакцией на начавшуюся в 1789 г. во Франции революцию.

В результате политики самодержавной европеизации России, начатой Петром I, произошло ослабление влияния боярской аристократии, крушение основанной на ее доминировании системы управления и становление чиновничье-бюрократического абсолютизма. Это имело следствием всеобщую бюрократизацию России, возрастание роли чиновничества в более значительных масштабах, чем при абсолютистских режимах Западной Европы. При этом возвысившиеся представители незнатных родов играли в осуществлении государственного управления в России более важную роль, чем при западноевропейских абсолютистских режимах. Следует, однако, отметить, что преобразования XVIII в. ухудшили положение низших социальных слоев, особенно крепостных крестьян, которые были фактически низведены до положения рабов. Выиграло же от этих преобразований мелкопоместное дворянство, в определенной степени купечество.

Поскольку политика самодержавной европеизации России посягала на вековые устои страны и ущемляла интересы боярской аристократии, российский консерватизм, явившийся реакцией на политику чиновничье-бюрократического абсолютизма, должен был включать как национальную, так и аристократическую составляющую. В силу того что консервативная идеология в России была направлена на противодействие политике самодержавной европеизации России, национализм был присущ мировоззрению российских консерваторов уже при формировании российского консерватизма. В отличие от российской, в континентальной западноевропейской консервативной традиции авторитет Бога и Короля составлял фундамент понятия легитимности власти, и тот, кто ставил на первое место, подрывал, по мнению западноевропейских консерваторов, сами основы легитимности, желал он того или нет.

Российские консерваторы конца XVIII – начала XIX в., отрицательно относясь к политике самодержавной европеизации России, утверждали, что государственная жизнь в России должна основываться на русских национальных началах и традициях. С точки зрения основоположника российского консерватизма князя М. М. Щербатова, зло пришло в Россию оттого, что Петр I начал перестраивать русское общество на иноземный лад, уничтожая все доброе, что было в русской жизни [Щербатов, 2002, с. 84]. М. М. Щербатов утверждал, что, «хотя Россия, чрез труды и попе-

чения сего Государя, приобрела знаемость в Европе и вес в делах... тогда же искренняя привязанность к вере стала исчезать, таинства стали впадать в презрение, твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти, а сим побуждением и корыстолюбие к разрушению законов и ко вреду граждан начало проникать в судебные места» [Там же, с. 102].

По мнению другого «отца-основателя» российского консерватизма, Н. М. Карамзина, «искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, Государь России унижал Россиян в собственном сердце» [Карамзин, б. г., с. 25]. И М. М. Щербатов, и Н. М. Карамзин порицали Петра I за принижение древних боярских фамилий и упразднение боярского сословия с включением представителей боярства в состав дворянского сословия. М. М. Щербатов сетовал, что «стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги; и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые услуги учинить, то за недостатком заслуг стали стараться выслуживаться всякими образами, лъстя и угождая Государю и вельможам» [Щербатов, 2002, с. 100]. Он утверждал, что «благородной гордости бояр мы многие знаки обретаем» [Там же, с. 91]. По мнению Н. М. Карамзина, «в течение веков народ обык чтить Бояр» [Карамзин, б. г., с. 26], возведенный же в дворянство простолюдин «в самой знатности боится презрения... и мыслит личною надменностию изгладить из памяти людей свое низкое происхождение» [Там же, с. 128]. Оба они выражали стремление всемерно возвысить дворянство, подчеркивали значение наследственности дворянского звания. Но если князь М. М. Щербатов являлся сторонником дворянского ограничения царской власти, то Н. М. Карамзин решительно и твердо отстаивал неограниченность самодержавия, желая лишь в полной мере восстановить его отеческую, патриархальную сущность, уменьшить роль бюрократических структур. При этом оба они отрицательно относились к политике абсолютистского бюрократического государства, проводившейся в России в XVIII в. начиная со времени царствования Петра I и направленной на самодержавную европеизацию России.

Кроме Н. М. Карамзина, к выдающимся российским консервативным мыслителям времен царствования Александра I следует отнести великороссов А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина, белоруса С. Н. Глинку и грека с молдавскими корнями А. С. Стурдзу. Все перечисленные российские консерваторы находились в оппозиции политике европеизации, проводимой в начале XIX в. Александром I, являясь сторонниками возрождения русской старины, но их понимание того, что есть русская старина, было различным. Если для С. Н. Глинки и А. С. Стурдзы это была допетровская старина, когда Царь и бояре не были заражены западным духом и по-отечески пеклись о простолюдинах, то у А. С. Шишкова старина ассоциировалась с петровскими и екатерининскими порядками.

Все вышеназванные российские консерваторы выступали за самодержавие и за сохранение сословных привилегий дворянства. При этом А. С. Стурдза считал целесообразным, чтобы при управлении государством монарх прислушивался к мнению собрания представителей народа. Он желал отмены крепостного права в будущем, но не раньше, чем будет искоренен дьявольский дух рационализма и скептицизма. Более значимой, с точки зрения А. С. Стурдзы, должна была быть роль православной христианской религии, которую не следует сводить только к санкции политического режима. Таким образом, хотя все первые российские консерваторы в той или иной мере являлись предтечами славянофилов, в наибольшей степени из всех них именно мировоззрение А. С. Стурдзы предвосхитило возникновение славянофильской идеологии.

Что касается А. С. Шишкова, то в его мировоззрении, наряду с защитой сословных привилегий дворянства, наличествует осуждение помещичьих злоупотреблений, чиновничьего беспредела, осуждение офранцузившейся аристократии, представление о простом народе как хранителе национального духа, требование очищения русского языка от ненужных западных заимствований, прежде всего галлицизмов, ибо «язык есть душа народа, зеркало нравов» [Шишков, 2002, с. 223]. Этот аспект мировоззрения А. С. Шишкова делает его одним из предшественников славянофильства. Но идеализация А. С. Шишковым петровских и, особенно, екатерининских порядков, противопоставлявшихся им в качестве русской старины временам царствования Александра I, делает его также предтечей консерватизма «официальной народности».

А. С. Шишков был твердо убежден, что «когда государство или народ желает благоденствовать, то первое попечение его долженствует быть о воспитании юных чад своих в страхе Господнем, в напоении сердец их любовью к вере, откуда истекает любовь к Государю, к сему постав-

ленному от Бога отцу и главе народной; любовь к Отечеству, к сему телу великому, но не крепкому без соединения с главою своею» [Там же, с. 222].

Схожие позиции занимал Ф. В. Ростопчин, который выступал в защиту русских традиционных ценностей с целью противодействия духу революции, исходившему из Франции и олицетворявшемуся в начале XIX в. Наполеоном.

После победы России и ее союзников над наполеоновской Францией русский народ охватило чувство национальной гордости. Те представители русского дворянства, которые были захвачены патриотическим подъемом, но, в отличие от будущих декабристов, отвергали путь революционных изменений как органически чуждый России и вредоносный для нее, пришли к пониманию необходимости отринуть западные обычаи, повернуться лицом к русскому народу и проникнуться русскими национальными началами. Эти дворяне в 1823 г. создали кружок любителей, или «Общество любителей», председателем которого был князь В. Ф. Одоевский. Деятельность кружка имела в целом консервативную направленность, но была оппозиционна политике государства, поэтому в 1825 г. кружок был закрыт, хотя фактически существовал до 1832 г. Развивая российскую консервативную идеологию, консерваторы-любители, прежде всего В. Ф. Одоевский, внесли в нее существенный вклад, который заключался в постановке вопроса об особом историческом пути России, принципиально отличном от исторического пути стран Запада.

В то время как на Западе в конце 10-х – начале 20-х гг. XIX в. процесс формирования консерватизма уже завершился, в России он еще продолжался в течение 20–30-х гг. XIX в., завершившись лишь в конце 1830-х гг. Именно на завершающем этапе процесса формирования российского консерватизма активное участие в этом процессе приняло государство. Хотя переход государства к проведению консервативной политики обозначился уже на рубеже 1810–20-х гг., официально он был заявлен лишь после подавления выступления декабристов в конце 1825 г. В составленном одним из основоположников дореволюционного российского консерватизма Н. М. Карамзиным манифесте, изданном в связи с подавлением выступления декабристов 14 декабря 1825 г., декабристское выступление объявлялось произошедшим под влиянием занесенных в Россию чужеземных западных идей, ибо вооруженное выступление против самодержавной власти не в характере и не в обычаях русского народа, а до революционных выступлений охочи лишь западные люди. Положения, содержащиеся в данном манифесте, требовали дальнейшего развития. Скончавшийся в 1826 г. Н. М. Карамзин в силу независимости своего характера и особенностей мировоззрения не мог стать основоположником официальной консервативной идеологии. Для этого требовались люди совсем иного склада, всем обязанные престолу.

Главную роль в разработке идеологии официального направления российского консерватизма («официальной народности») сыграл министр народного просвещения России граф С. С. Уваров. Он считается автором триады «православие, самодержавие, народность», так как четко сформулировал и обосновал ее: «Искренно и глубоко привязанный к Церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть... Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия... Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства» [Уваров, 1864, с. 2–3]. Именно для того, чтобы подчеркнуть значение начала народности, С. С. Уваров утверждал, что, «распространяя между согражданами луч наук и просвещения, должно возбуждать и сохранять, сколько можно, народный дух» [Уваров, 2002, с. 234].

Ф. В. Булгарин, являвшийся приверженцем консерватизма «официальной народности», обосновывал связь между православием и самодержавием как важнейшими русскими национальными началами таким образом: «Привязанность к царям в народе оттого сильна, что она соединена у него с религиозными понятиями» [Алтунян, 1998, с. 205].

Официальное направление российского консерватизма стремилось к сохранению существующего порядка во всей его целостности. Основным элементом триады для С. С. Уварова и других представителей консерватизма «официальной народности» являлось самодержавие в том виде, в котором оно существовало во времена царствования Николая I, со всеми бюрократическими

структурами. Два других элемента триады играли фактически подчиненную роль.

Участие государства в процессе становления российского консерватизма на этапе его завершения было важной особенностью процесса формирования дореволюционного российского консерватизма. Первоначально отношение государства к представителям российского консерватизма было настороженным, поскольку дореволюционный российский консерватизм возник как реакция на проводимую государством политику самодержавной европеизации страны. Но затем, когда в политике государства обозначился, а затем был официально провозглашен поворот к консерватизму, государство само приняло участие в процессе формирования консерватизма с целью утвердить самодержавие в качестве основы основ существования России, дать свою трактовку личности и деятельности Петра I, чтобы воспрепятствовать использованию его имени в своих целях западниками, как либералами, так и революционерами. Поскольку к началу второй четверти XIX в. результаты преобразований Петра I вошли в жизнь России достаточно прочно, став составной частью российской традиции, официальная, государственная, консервативная идеология была призвана обосновать происшедшую деформацию российской традиции и сделать наследие Петра I идейным оружием в борьбе против шедших с Запада либеральных и революционных веяний.

Наличие официального, государственного, консерватизма являлось чертой, обособлявшей Россию от стран Запада. Его создание стало значимой вехой в процессе формирования дореволюционного российского консерватизма. Но о завершении процесса формирования дореволюционного российского консерватизма можно говорить лишь в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в., с появлением славянофильства. Возникновение славянофильства явилось закономерным итогом процесса развития дореволюционного российского консерватизма, поскольку идейными предшественниками славянофильства в той или иной степени являлись все предшествующие российские консерваторы: М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, А. С. Стурдза, С. Н. Глинка, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, консерваторы-любомудры, прежде всего В. Ф. Одоевский.

От консерватизма «официальной народности» славянофилы восприняли триаду «православие, самодержавие, народность», но дали ей свое толкование, поставив во главу угла православие и народность и уже на их фундаменте возведя самодержавие. Как и представители консерватизма «официальной народности», славянофилы утверждали, что добровольное призвание самодержавия русским народом явилось началом русской истории, которое коренным образом обособило ее от истории западных стран, в основании которой лежало завоевание.

Не отвергали славянофилы и сословного деления общества, признавая роль и значение дворянства. Идеал славянофилов – общество сословное, классовое, «лестница, на которой множество ступеней» [Цимбаев, 1986, с. 141–142]. Но на первое место они ставили не юридические, а функциональные различия между сословиями, подчеркивая чисто служебный характер аристократии в России: «Не все бояре, в особенности же не все дворяне... состояли в действительной службе; но все они, все служилые люди без исключения, всегда могли быть потребованы на службу и не имели права отказываться... Разделения на неподвижные сословия не было» [Аксаков, 1861, с. 13]. По мнению славянофилов, преобразования Петра I произвели переворот, можно сказать, революцию в русской истории. Вместо русского патриархального самодержавия он установил в России чиновничье-абсолютистский строй по прусскому образцу. Упразднив боярское сословие и включив его представителей в состав дворянства, Петр I поставил дворянство в совершенно особое положение по отношению к непривилегированным сословиям, противопоставил его им в социокультурном отношении. При Петре III дворяне были освобождены от обязательной службы, и таким образом в России была создана аристократия на западный манер. По мнению славянофилов, в XVIII–XIX вв. единственным приютом консерватизма в России являлась черная изба крестьянина, и они обращались к крестьянству по той же причине, что западноевропейские консерваторы – к аристократии. Таким образом, славянофилы, в том числе подчеркивавший заслуги Петра I А. С. Хомяков, относились к личности и деятельности Петра I критически, совершенно иначе, чем восхвалявшие его сторонники консерватизма «официальной народности».

Подчеркивая свою приверженность самодержавию, славянофилы были оппозиционны по отношению к современному им бюрократическому абсолютизму, являясь при этом также сторонниками отмены крепостного права. Как и А. С. Стурдза, славянофилы выступали за созыв всесословного совещательного учреждения, которое должно было давать самодержцу советы по вопросам законодательства и управления страной.

Таким образом, в России влияние государства на процесс формирования консерватизма было гораздо более значимым, чем в странах Запада. Само возникновение консерватизма в России в XVIII в. явилось реакцией на политику государства. Участие государства в процессе формирования российского консерватизма на завершающей его стадии окончательно придало дореволюционному российскому консерватизму тот облик, который был свойственен ему вплоть до крушения в начале XX в. и который отличал его от консерватизма стран Запада.

Библиографический список

- Аксаков К. С.* Сочинения исторические. М., 1861.
- Алтунян А. Г.* «Политические мнения» Фаддея Булгарина (Идейно-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I). М., 1998.
- Карамзин Н. М.* Записка о Древней и Новой России. СПб., Б. г.
- Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
- Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864.
- Уваров С. С.* О преподавании истории относительно к народному воспитанию // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002.
- Цимбаев Н. И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.
- Шишков А. С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Быть России в благоденствии и славе. М., 2002.
- Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // Там же.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2010